

Научная статья
УДК 94(436)
<https://doi.org/10.20310/1810-0201-2025-30-6-1493-1503>

Экстраполяция политической борьбы в Австрии на корпус служащих государственных учреждений и феномен принуждения их к лояльности как отражение авторитарных тенденций во внутренней политике. Вторая половина 1920 – начало 1930-х годов

Владимир Валерьевич Миронов

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
mironov.vladimir@hotmail.com

Аннотация

Актуальность. Проанализированы изменения в сущности феномена лояльности как неотъемлемой части профессионального этоса служащих госучреждений Габсбургской монархии, последовавшие после ее крушения в 1918 г. и создания парламентской республики в Австрии. Прослежен процесс образования в 1920-е гг. политических лагерей в Австрии, сопровождавшийся выдвижением ими собственных узкопартийных и, как правило, утопических представлений о демократии, расходившихся с ее классическим парламентским вариантом. При этом уделено особое внимание выработке австрийским правительством мер противодействия злоупотреблению служащими госучреждений своим служебным положением в партийно-политических целях. Цель исследования – рассмотреть деятельность представленных в парламенте Австрии второй половины 1920 – начала 1930-х гг. политических партий и внепарламентских сил, в частности, Хеймвера, направленную на использование профессионального опыта служащих государственных учреждений в партийно-политических интересах.

Материалы и методы. Раскрыто содержание понятия «служащие государственных учреждений». На основе критического анализа данных статистики, отдельных документов политических партий отечественной и зарубежной исследовательской литературы с применением историко-сравнительного историко-генетического методов прослежен процесс экстраполяции политической борьбы в Австрии во второй половине 1920-х – начале 1930-х гг. на служебную деятельность служащих государственных учреждений.

Результаты исследования. Выявлены случаи нарушения служащими государственных учреждений в Австрии во второй половине 1920-х – начале 1930-х гг. принципа «партийного нейтралитета», проанализирована практика задействования «административного ресурса» в некоторых государственных ведомствах с целью обеспечения лояльности их служащих правительству и освещены принятые им на законодательном уровне меры с целью предотвращения политически ангажированного поведения чиновников.

Выводы. Распад в 1920 г. образованной в составе Социал-демократической партии Австрии (СДПА) и Христианско-социальной партии (ХСП) правительственный коалиции в Австрии

способствовал широкому распространению партийного мышления, проникавшему в том числе и в считавшийся нейтральным в этом смысле корпус служащих госучреждений. Правительство стремилось воспрепятствовать процессу растущей политизации служащих госучреждений в условиях социально-экономической и нестабильности второй половины 1920 – начала 1930-х гг. С этой целью в ключевых по своему влиянию государственных ведомствах широко применялся «административный ресурс», чтобы добиться очищения госаппарата от сторонников СДРПА и наполнения его представителями правительенной ХСП. В итоге недопустимость участия служащих госучреждений в политической деятельности была закреплена на законодательном уровне.

Ключевые слова: Австрия, межвоенный период, парламент, политические партии, Хеймвер, мировой экономический кризис, служащие госучреждений

Финансирование. Отсутствует.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Миронов В.В. Экстраполяция политической борьбы в Австрии на корпус служащих государственных учреждений и феномен принуждения их к лояльности как отражение авторитарных тенденций во внутренней политике. Вторая половина 1920 – начало 1930-х годов // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Т. 30. № 6. С. 1493-1503. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2025-30-6-1493-1503>

Original article

<https://doi.org/10.20310/1810-0201-2025-30-6-1493-1503>

The extrapolation of the political struggle in Austria to the corps of civil service of employees of state institutions and the phenomenon of forcing them to loyalty as a reflection of authoritarian tendencies in domestic politics. The second half of the 1920s – early 1930s

Vladimir V. Mironov
Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Russian Federation
mironov.vladimir@hotmail.com

Abstract

Importance. The transformation of the phenomenon of loyalty as an integral part of the professional ethos of civil servants in Habsburg Monarchy institutions is analyzed, following its collapse in 1918 and the establishment of a parliamentary republic in Austria. It traces the formation process of political camps in Austria in the 1920s, accompanied by the promotion of their own narrow-party and, as a rule, utopian ideas about democracy, which differed from its classical parliamentary version. At the same time, special attention is paid to the development by the Austrian government of measures to counter the abuse of their official positions by employees of state institutions for party and political purposes. The purpose of the study is to examine the activities of political parties and extra-parliamentary forces represented in the Austrian Parliament in the second half of the 1920s and early 1930s, in particular, the Heimwehr, aimed at using the professional experience of government officials in party and political interests.

Materials and Methods. The content of the concept “employees of state institutions” is revealed. Based on a critical analysis of statistical data, individual documents of political parties in domestic and foreign research literature using historical and comparative historical and genetic methods, the process of extrapolation of the political struggle in Austria in the second half of the 1920s and early 1930s to the official activities of government officials has been traced.

Results and Discussion. Cases of violations of the principle of “party neutrality” by employees of state institutions in Austria in the second half of the 1920s and early 1930s have been identified, the practice of using “administrative resources” in some government departments to ensure the loyalty of their employees to the government has been analyzed, and measures taken by them at the legislative level to prevent politically motivated behavior have been highlighted officials.

Conclusion. The collapse in 1920 of the Austrian government coalition formed as part of the Social Democratic Party of Austria (hereinafter referred to as the SDPA) and the Christian Social Party (CSP) in Austria contributed to the widespread dissemination of party thinking, which penetrated, among other things, into the corps of government employees considered neutral in this sense. The Government sought to prevent the growing politicization of government employees in the context of socio-economic and instability in the second half of the 1920s and early 1930s. To this end, the “administrative resource” was widely used in key government departments to purge the state apparatus of supporters of the SDPA and fill it with representatives of the government CSP. As a result, the inadmissibility of the participation of employees of state institutions in political activities was fixed at the legislative level.

Keywords: Austria, interwar period, Parliament, political parties, Heimwehr, global economic crisis, government officials

Funding. None.

Conflict of Interests. The author declares no conflict of interests.

For citation: Mironov, V.V. (2025). The extrapolation of the political struggle in Austria to the corps of civil service of employees of state institutions and the phenomenon of forcing them to loyalty as a reflection of authoritarian tendencies in domestic politics. The second half of the 1920s – early 1930s. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Tambov University Review. Series: Humanities*, vol. 30, no. 6, pp. 1493-1503.
<https://doi.org/10.20310/1810-0201-2025-30-6-1493-1503>

АКТУАЛЬНОСТЬ

Идея служения государству была прочно укоренена в сознании чиновничества Габсбургской монархии, уходя своими корнями в терезианско-иосифианские реформы XVIII века. Лояльность как неотъемлемая часть профессионального этоса чиновников, являвшихся представителями различных наций и связанных с ними партийных интересов, оказывала решающее влияние на их идентичность. В новой Австрии, возникшей на обломках потерпевшей поражение в Первой мировой войне Австро-Венгрии, от них требовалось верное служение уже не монарху, а парламентской республике. Сосуществование в ее политическом пространстве в 1920-е гг. соперничающих с друг другом социал-демократического, христианско-социального и

немецко-национального «лагерей» дает основание некоторым современным исследователям утверждать о стремлении ведущих политических сил Австрии подменить классическую парламентскую систему своим (как правило, утопическим) видением демократии, ставившим во главу угла защиту собственных эгоистических интересов в ущерб общегосударственным [1, S. 14-16],

Цель исследования – рассмотрение деятельности представленных в парламенте Австрии второй половины 1920 – начала 1930-х гг. политических партий, а также внепарламентских сил, в частности, Хеймвера, направленную на использование профессионального опыта служащих государственных учреждений в партийно-политических интересах. К числу поставленных задач относится также анализ усилившимся после подавления осе-

нью 1931 г. фашистского путча попыток официальных властей заставить госслужащих руководствоваться в своей профессиональной деятельности принципом «партийного нейтралитета» с целью обеспечения полной лояльности по отношению к своей политике.

Рассматриваемый в работе круг вопросов не получил пока всестороннего освещения в отечественной исторической науке [2]; в современной австрийской историографии к нему обращался ряд авторов опубликованного в 2020 г. тематического сборника [3].

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Необходимо, прежде всего, очертить границы используемого понятия «служащие государственных учреждений». К ним, согласно австрийскому законодательству, относились чиновники, состоявшие на дипломатической и военной службе, сотрудники различных министерств и ведомств, судьи, преподавательский состав университетов и школ, служащие почты и телеграфа и чиновники государственных предприятий.

В решении задач исследования мы опирались на историко-сравнительный метод, позволивший сопоставить практику эксплуатации политическими партиями Австрии в собственных целях настроений и профессионального опыта служащих государственных учреждений. Получение количественных данных, характеризующих указанный выше процесс, стало возможным благодаря использованию историко-статистического метода. Изучение законодательных норм, уже сточавших ответственность госслужащих за несоблюдение принципа «партийного нейтралитета» в своей профессиональной деятельности, базируется на историко-генетическом методе.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Взбудороженная революцией 1918 г. политическая жизнь Австрии благодаря проявленной социал-демократией умеренности,

поглощению советского движения и жесткой позиции по отношению к радикальным экспериментам коммунистов медленно возвращалась в свое привычное парламентское русло¹. Экономический хаос послевоенного времени, который неизбежно влек за собой утрату государственными служащими прежнего социального статуса и общественного престижа, способствовал выходу их на арену политической борьбы [2, с. 266]. Ее эпицентром в 1920-е гг., безусловно, являлась бывшая имперская столица Вена, которая, отделившись в начале 1922 г. от Нижней Австрии, получила статус самостоятельной федеральной земли. По количеству проживавших здесь служащих и чиновников она значительно превосходила другие австрийские провинции. Многолетнее правление СДПА, открывшее в 1919 г. эру «Красной Вены», ознаменовалось крупными социальными реформами в интересах трудящихся. Изменения в налоговом законодательстве позволили существенно улучшить их жилищные условия, медицинское обслуживание, расширить социальное законодательство и охватить системой просветительских и спортивных обществ [4; 5].

Важная роль отводилась реформированию системы школьного образования в антиклерикальном духе. Его инициатором стал госсекретарь просвещения О. Глёкель (позднее занимал пост президента Венского школьного совета) вместе с преданной ему командой экспертов. 10 апреля 1919 г.ступил в силу его исторический указ, который освобождал обучающихся от обязанности участия в религиозных занятиях с системой выставления оценок и отменял обязательный учительский надзор во время их проведения. Тем самым закладывалась антиклерикальная основа политики Социал-демократической партии Австрии (СДПА) австрийской соци-

¹ Hautmann H. Österreich 1918–1933. Von der Erringung zur Beseitigung der Demokratie // Schulheft. 2016. 41 Jg. Demokratie – kritische Reflexionen / Hg. E. Von Renner, M. Sertl, M. Rittberger, F. Bergmaier. S. 91. URL: <https://schulheft.at/wp-content/uploads/2019/03/schulheft-164.pdf> (abrufen: 12.03.2024).

ал-демократии в отношении пользовавшейся прежде покровительством государства католической церкви [6, S. 590-591].

Распад летом 1920 г. правящей коалиции Христианско-социальной партии (ХСП) и СДПА способствовал формированию «лагерного менталитета» и нарастанию политической поляризации, которая была обусловлена нестабильной социально-экономической ситуацией в стране. Ведущие политические партии, поведя острую борьбу за своего избирателя, стремились поставить себе на службу организаторские иправленческие навыки австрийского учительства, особенно в провинции [7, S. 543]. Оно вместе с чиновниками и служащими становилось своеобразным «приводным ремнем» между партийными программами и обществом. В австрийском парламенте в конце 1920-х гг. открыто признавался факт растущей политизации учительства, постепенно превращавшегося, по мнению выступавших ораторов, в «партийных слуг»².

Не отставала и столица страны, где один из ведущих деятелей СДПА Р. Данненберг, анализируя итоги выборов 1923 г. в венский муниципалитет, пришел к выводу, что одержанной победе партия была обязана в первую очередь позиции государственных и частных служащих, отказавшихся в массовом порядке от поддержки правительственные сил [7, S. 390]. Привлечение в ее ряды широких слоев служащих и учительства служило поставленной в 1924 г. О. Бауэром цели расширения социальной базы социал-демократического движения. Мнение же противников СДПА гласило, что несбыточными послулами новых прав учительству партия стремилась использовать его для осуществления своей «культурной» программы в мас- сах [8, p. 194-195].

Анализ средних процентных данных, проливающих свет на профессиональный состав представительства СДПА в Венском

² Das Budget. Verlauf der Spezialdebatte // Neues Wiener Tagblatt (Tages-Ausgabe). 23.01.1929. S. 4. URL: <https://anno.onb.ac.at/cgi-content/anno?aid=nwg&datum=19290123&seite=3&zoom=33> (abrufen: 16.02.2024).

общинном Совете по итогам муниципальных выборов 1919, 1923 и 1932 гг.³, а также в парламентской фракции за 1919, 1923 и 1930 гг., дает следующую картину: лица, которые были категоризированы как «чиновники в целом», составляли среди муниципальных депутатов Вены – 22,2 %, а служащие – 36,9 %; доля чиновников среди парламентариев достигала 19 %, а служащих – 28 % (Подсчитано по: [7, S. 421] Berufstruktur der sozialdemokratischen Parlamentssfraktion 1918–1930 in Prozenten; [7, S. 422] Berufstruktur der sozialdemokratischen Gemeinderatsfraktion in Wien 1919–1932 in Prozenten). Полученный результат свидетельствует о серьезном изменении социального облика СДПА за счет увеличения в ней доли управляемых кадров.

Главная проблема заключалась в том, что в глазах соперничавших политических сил (не считая априори антипарламентски настроенного Хеймвера), парламентская демократия не являлась абсолютной ценностью: республика служила для СДПА трамплином для завоевания политической власти и перехода к социализму [8, p. 196, 253-260]; ХСП, обвинявшая своих оппонентов в стремлении к установлению диктатуры с помощью военизированного крыла СДПА-Шуцбунда, не только теоретически допускала временное ограничение парламентаризма на пути к созданию «истинного государства» [7, S. 277-288] (идеал которого во многом совпадал с развивавшимися О. Шпанном в русле течения «консервативной революции» антимодернистскими, корпоративными идеями [9, S. 84-85]), но и устами своего влиятельного лидера И. Зейпеля выражала сожаление по поводу того, что после провала путча «Штирийского Хеймвера» в 1931 г. не удалось свернуть с парламентского пути «вправо», в направлении «сословно-корпоративной» модели организации общества [8, p. 296; 10, S. 265]; хотя Пангерманская пар-

³ Данные статистики, относящиеся к парламентским выборам 1930 и муниципальным 1932 г., являются сопоставимыми с учетом того, что тогда состоялись последние выборы в парламент и в Венский городской Совет.

тия (ПГ), не расставшаяся с надеждами на анишлюс, признавала в своей Зальцбургской программе 1920 г. легитимность установившегося в Австрии республиканского строя, она продолжала видеть в парламентском устройстве мнимую по своей сущности демократию, подменявшую результаты «истинно народного волеизъявления» искусственно сконструированной правовой химерой. Отсюда вытекало требование пангерманцев о расширении участия народа в принятии важных политических решений с помощью процедуры плебисцита [11, S. 18]; идейный багаж нацистской партии в Австрии, стоявшей на платформе создания рассового по своей природе «народного сообщества», характеризовал порицание парламентской демократии как «политического воплощения еврейского духа» [12, S. 602].

Разгоравшийся внутри страны во второй половине 1920-х гг. острый внутривенгерский конфликт, напоминавший по всем признакам «скрытую гражданскую войну», проектировался на отношения внутри ведущих социально-профессиональных групп, в том числе учительства. Так, депутаты от ХСП в Венском общинном Совете, поглощенные задачей «выноса революционной золы», как это в свое время лапидарно сформулировал И. Зейпель, не скрывали своей радости на заседании 19 декабря 1933 г. во время обсуждения городского бюджета на 1934 г. по поводу того, что СДПА не удалось увлечь большинство учителей на «социал-демократическую дорогу», открыто ставя ей в вину злоупотребление властью в интересах продекларированного ею антиклерикализма:

«...Учительство должно было за это (политику СДПА. – В. М.) тяжело заплатить. Сотни христианских учителей год за годом переводились из одного городского округа в другой просто из-за того, что они отважились прочитать с детьми в школе молитву и отвести их для участия в религиозных занятиях в церковь. Чтобы иметь полную свободу распоряжения учителями, у них отняли старейшее и существенное право, право обязательного трудоустройства в конкретной

школе. Это и другие важнейшие учительские права пали благодаря закону 1923 г. об учительской службе, к принятию которого учительство было принуждено угрозами и что, в противном случае, молодые учителя будут уволены...»⁴.

Вопрос о «социал-демократическом заилье» в кадровом составе директоров и учителей венских школ, благодаря которому стало возможным процветание чешского школьного образования (чехи являлись одной из этнических групп Вены. – В. М.), пыталась эксплуатировать в своих партийных интересах увеличившая весной 1932 г. свое представительство по итогам выборов в Венский общинный Совет нацистская партия в Австрии. Ее представители открыто обвиняли бургомистра Вены К. Зейца и О. Глёкеля в политическом протекционизме: согласно приводившейся ими статистике в столице из получивших в период 19270–1931 гг. назначение на пост директора школы из 315 человек 278 принадлежали к СДПА, 32 – к ХСП, и только пять человек являлись по своим политическим взглядам «фёлькишскими» учителями⁵.

Усиление авторитарных тенденций во внутренней политике, наблюдавшееся в конце 1920 – начале 1930-х гг. в общеевропейском масштабе, происходило по мере того, как в австрийском обществе разрушалась вера в способность парламентской демократии решить порожденные Великой депрессией экономические проблемы. Неудивительно, что прогрессировавшим процессом политической дестабилизации в стране стремился воспользоваться превращенный правящими кругами после вспыхнувших в июле 1927 г. в Вене беспорядков в орудие устрашения рабочего класса Хеймвер, целью которого явилось преобразование республиканского

⁴ Gm. R. Schlossinger (Christlichsozial) // Rathauskorrespondenz. 1933. Nr. 371. December 19. URL: <https://www.digital.wienbibliothek.at/wbrobv/periodical/pagewview/3623845> (abrufen: 28.02.2024).

⁵ Gm. R. Dr. Suchenwirth (Nat. soz.) // Rathauskorrespondenz. 1932. Nr. 317. November 23. URL: <https://www.digital.wienbibliothek.at/wbrobv/periodical/pagewview/3622846> (abrufen: 28.02.2024).

строя в корпоративно-фашистском духе [8, р. 296]. Хеймвер щедро финансировался военным промышленником Ф. Манделом [13, S. 285], властями фашисткой Италии и хортисткой Венгрии [14, S. 163]. Авторитетный британский исследователь проблемы фашизма Ф. Карстен считал главным уязвимым местом Хеймвера отсутствие позитивной идеологии, так как его политическая программа, построенная на отрицании значения парламента, партий и зоологической враждебности к марксизму, не давала четкого представления о будущем государственном устройстве [15, S. 156].

Внесенные осенью 1929 г. изменения в конституцию, которые предусматривали усиление президентских полномочий, смогли удовлетворить аппетиты стоявших за ним крупных австрийских промышленников, итальянского диктатора Б. Муссолини и правящих кругов Венгрии только наполовину. Принесенная 18 мая 1930 г. Хеймвером «Корнойбургская клятва», внутренней подоплекой которой являлись притязания Р. Штейдле на унификацию данного политического движения в Нижней Австрии, требовала ликвидации изжившей себя парламентской демократии и введения вместо нее «словного самоуправления» [16, S. 98]. Однако открыто выражаемое презрение к парламенту не помешало созданию коалиционного с ХСП «Отечественного блока», включившемуся в борьбу за голоса избирателей, и непродолжительному пребыванию в составе правительства его представителя князя Э.Р. Штаремберга (в качестве вице-канцлера и министра внутренних дел). Предпринятая же князем попытка создать предвыборную коалицию с нацистской партией в Австрии не удалась из-за непомерных амбиций ее руководства [17, S. 243]. Суть отстаивавшейся кабинетом И. Шобера в отношении Хеймвера тактики, заклейменной последним впоследствии как «двойная игра», сводилась к следующему: пробужденный событиями лета 1927 г. в Вене (когда возникла острая необходимость защиты буржуазного порядка от социалистической революции) к политиче-

ской жизни монстр выполнил свою миссию; теперь он должен быть приручен, чтобы благополучно сойти с политической сцены [17, S. 232, 237].

Осенью 1930 г. общество было взбудоражено откровениями «вечного путчиста» майора В. Пабста, высланного в июне того же года правительством И. Шобера в Германию и вернувшегося при содействии ставшим бундесканцлером К. Вогойна. В своем первоначально запрещенном цензурой интервью «Arbeiterzeitung» (8 октября 1930 г.) бывший начальник штаба тирольского Хеймвера, запятнавший себя во время революции в Германии организацией убийства К. Либкнехта и Р. Люксембург, В. Пабст обрисовал политическое будущее Тироля и Форарльберга как «хеймверовского» государства, которое покончит с ненавистной партийной системой и будет управляемым диктаторскими полномочиями правительством [18, S. 318].

Вместе с тем нескрываемое преклонение тирольского Хеймвера перед итальянским фашизмом не соответствовало к концу 1930 г. общему настрою местного населения на создание пусть и сильного государства, но поддерживающего все же от полного перенятия политической системы фашисткой Италии, угнетавшей соплеменников в Южном Тироле [15, S. 169-170]. В Форарльберге, добившемся осенью 1918 г. административного отделения от Тироля, не собирались принести в жертву обретенные свободы пресловутому «народному государству». Губернатор О. Эндер, отказавшись следовать принципам «Корнойбургской клятвы», сделал все возможное, чтобы не допустить участия в парламентских выборах 1930 г. так называемого «Отечественного блока», являвшегося «троянским конем» Хеймвера, и включения тем самым местного «Хайматдинста» в общеавстрийское хеймверовское движение. Он подверг также острой критике открыто выражавшееся вождем тирольского Хеймвера Р. Штейдле восхищение политикой Б. Муссолини и проявление фашистских тенденций в руководимой им организации [4, S. 1029].

Это в свою очередь актуализировало проблему лояльности представителей государственного аппарата в целом (судей, чиновников, служащих и учителей), на который правительство могло бы положиться в трудную минуту. Это в полной мере относилось и к вооруженным силам, где военному министру К. Вогойну удалось к началу 1930-х гг. полностью избавиться от сторонников СДПА, превратив армию с помощью широко практиковавшейся в ней «борьбы с безбожием» в надежный инструмент ХСП. Благодаря строгой дисциплине в самом военном ведомстве, К. Вогойн мог победно отрапортовать, что в отличие от воздержавшихся в своей основной массе от участия в религиозных процессиях чиновников других министерств его подчиненные не отваживались игнорировать подобные шествия [18, S. 301, 302, 306]. Не менее важным для продолжения карьеры К. Вогойна в правительстве теперь уже в качестве бундесканцлера было то обстоятельство, что регламентировавший, начиная с 1927 г., поступление отставных военных на госслужбу циркуляр предусматривал обязательное представление претендентами письменных рекомендаций военного министерства. Практика их выдачи позволяла К. Вогойну, с одной стороны, предотвратить трудоустройство сторонников СДПА, а с другой – заручиться поддержкой потенциальных избирателей ХСП, искренне выражавших ему благодарность за содействие [18, S. 301]. За вызвавшими весной 1930 г. упорное сопротивление СДПА планами правительства И. Шобера назначить на должность генерального директора государственных железных дорог прекрасно зарекомендовавшим себя осенью 1928 г. при подавлении стачки рабочих и служащих трамвайного предприятия в Граце вице-бургомистра Г. Штрафеллу стояло нескрываемое властями желание исключить в будущем способную парализовать транспортное сообщение всеобщую забастовку железнодорожников [18, S. 307].

Сползание к авторитарным методам государственного управления началось в Австрии с попыток правительства О. Эндера (вы-

ступившим с безуспешной в итоге инициативой создания таможенного союза между Австрией и Германией) добиться весной 1931 г. в связи с крахом крупнейшего банка «Кредитанштальт» предоставления ему чрезвычайных полномочий в экономической области. Программа намеченных им реформ, исходившая из необходимости сбалансирования бюджета, предусматривала среди прочего значительное сокращение расходов на содержание управленаческого аппарата. Однако летом 1931 г. коалиционное по своему составу правительство, включавшее представителей Ландбунда и ПГ, не сумело достичь компромисса и ушло в отставку. Уполномоченному федеральным президентом В. Миклассом сформировать новый кабинет О. Эндеру, ссылавшемуся на практику издания чрезвычайных декретов рейхспрезидентом П. Гинденбургом в Германии, не удалось во время предварительных консультаций с О. Бауэром и Р. Данненбергом заручиться согласием СДПА, настаивавшей на определении четких сроков действия подобных распоряжений, которые не должны были привести к демонтажу социальных завоеваний трудящихся [19, S. 429].

Сформированное уроженцем Нижней Австрии К. Бурешем правительство проигнорировало организованный лидером «Штирийского Хаймвера» В. Пфримером сбор подписей населения за привлечение руководства рухнувшего в мае 1931 г. «Кредитанштальт» к уголовной ответственности, возврат в казну выплаченных банковским служащим высоких окладов и введение имущественной ответственности депутатов парламента, на рассмотрении которых находился новый проект закона о крупнейшем банке страны [20, S. 46]. Раздутые, по мнению В. Пфримера, штаты государственных учреждений следовало привести в «здравое» состояние, которое ассоциировалось со временами существования Габсбургской монархии. Переход к воинственной риторике, направленной против «коррумпированных» чиновников, спекулянтов-евреев и глав правительств держав-победительниц, в которых

аккумулировался образ врага, облегчался весьма скромным представительством управленцев в составе именно «Штирийского Хеймвера» в отличие от его аналогов в других федеральных землях. Удобной мишенью для атак на чиновничество во время мирового экономического кризиса делал также его особый по сравнению с представителями рабочего класса правовой статус с точки зрения защиты от увольнения. Очевидно, что популистская программа В. Пфримера, видевшая решение экономических проблем в создании «народного государства», основанного на безусловной вере в государственную мудрость его руководства, восходила к «сословной теории» О. Шпанна [21, S. 126-127].

Осенью 1931 г. последовали первые политически мотивированные чистки чиновников и учителей, скомпрометировавшими себя участием в не достигшим своей цели опереточном «марше на Вену» [20, S. 46-47]. Указом бундесканцлера К. Буреша от 2 декабря 1931 г. всем госслужащим предписывалось строго воздерживаться от участия в какой-либо политической деятельности, которая могла заставить усомниться в неангажированном выполнении ими своего служебного долга. Запрет действовал также в отношении публичной демонстрации на службе и за ее пределами символики политических партий и движений. Решение правительства вызвало пока еще открыто высказывавшуюся критику в целом лояльно настроенных по отношению к нему представителей государственного аппарата, не скрывавшими своего возмущения отсутствием в упомянутом документе четких критериев недопустимых действий политического характера, что позволяло властям по своему усмотрению манипулировать ими, добиваясь от госслужащих покладистого поведения угрозами наложения служебных взысканий и увольнения [22, S. 6].

Усилившееся в начале 1932 г. политическое давление нацистской партии на ПГ с требованием проведения более интенсивного «немецкого курса» во внешней политике привело к разрыву коалиции, на месте кото-

рой было образовано однопартийное правительство ХСП, не располагавшее большинством в парламенте. Страна стремительно погружалась в пучину экономического хаоса, а оставшимися без работы людьми (423 тыс. человек) постепенно овладевало чувство полной безнадежности. Особенно тяжело приходилось госслужащим и учителям в провинции. Земельное правительство Штирии во главе с А. Ринтеленом вынуждено было сократить на 20 % должностные оклады местным госслужащим и учителям [23, S. 249; 24].

ВЫВОДЫ

Взявшим в 1918 г. власть в свои руки австрийским социал-демократам удалось предотвратить углубление революционных преобразований. На этой предпосылке покоилось сотрудничество в рамках правительственной коалиции представителей СДПА и ХСП. Его прекращение в 1920 г. привело к поляризации политических сил и возобладанию «лагерного» мышления. В межпартийной борьбе соперники стремились укрепить свое влияние в чиновничьем аппарате, среди служащих и учителей, полагая, что их управленический и педагогический опыт может быть востребован в целях политической мобилизации населения. В условиях обозначавшегося поворота к реакции (исходным рубежом служит разгон рабочей демонстрации в Вене 15 июля 1927 г.) и усиления политической нестабильности вследствие мирового экономического кризиса 1929–1933 гг. австрийское правительство, отстаивая интересы крупной буржуазии и опасаясь угрозы насильственной смены власти как слева, так и справа (Хеймвер), взяло курс на укрепление вертикали исполнительной власти. Об этом, в частности, свидетельствовали внесенные в 1929 г. изменения в конституцию. Однако этого оказалось недостаточно, чтобы предотвратить предпринятую в 1931 г. «Штирийским Хеймвером» попытку государственного переворота, питательной средой для которого служило серьезно подорванное последст-

виями кризиса материальное положение населения. Необходимо было в этой связи заручиться поддержкой служащих госучреждений, добившись от них добровольного отказа от использования ими своего служебного положения в интересах оппозиционных политических партий и движений. Так, в военном министерстве благодаря широкому прибеганию его руководства к «административному ресурсу» удалось добиться удаления из него сторонников СДПА и обеспечить

преимущество при трудоустройстве членам ХСП. Вместе с тем ужесточение законодательства, имевшего своей целью ограждение служащих госучреждений от какого-либо влияния со стороны политических партий и движений, было с неодобрением встречено основной их массой, справедливо полагавшей, что правительство, не разъясняя подробно критерии нежелательной политической деятельности, стремилось таким путем добиться от них лояльности.

References

1. Rebhan H. (2024). *Demokratie ohne Demokraten? Die Demokratieverständnisse in den politischen Parteien der Ersten Republik Österreich 1918–1933/34. Mit einem Vorwort von Oliver Rathkolb.* Leiden, V&R unipress / Vienna University Press, 620 S. (In German)
2. Миронов В.В. К вопросу о социально-экономическом положении госслужащих Австро-Венгерской империи в республиканской Австрии // Роль империй нового времени в истории и судьбах народов Кавказа (к 250-летию Кючук-Кайнарджийского мирного договора): материалы Междунар. науч.-практ. конф. Ставрополь, 2024. С. 259-266. <https://elibrary.ru/odbegi>
Mironov V.V. (2024). On the issue of the socio-economic situation of civil servants of the Austro-Hungarian Empire in Republican Austria. *Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Rol' imperii novogo vremeni v istorii i sud'bakh narodov Kavkaza (k 250-letiyu Kyuchuk-Kainardzhinskogo mirnogo dogovora)» = Proceedings of the International Scientific and Practical Conference “The Role of Modern Empires in the History and Destinies of the Peoples of the Caucasus (on the 250th Anniversary of the Kuchuk-Kainardzhi Peace Treaty)”.* Stavropol, pp. 259-266. (In Russ.) <https://elibrary.ru/odbegi>
3. von Becker P., Garstenauer T., Helfert V., Megner K., Stockinger T., Steiner G (Hrsg.) (2020). *Hofratsdämmerung? Verwaltung und ihr Personal in den Nachfolgestaaten der Habsburgermonarchie 1918 bis 1920.* Wien, Böhlau Verlag, 1. Auflage, 234 S. (In German)
4. Wanner G. (1983). Vorarlberg. In: von Weinzierl E. und Skalnik K. (Hsg.) *Österreich 1918–1938. Geschichte der Ersten.* Bd 1. Graz, Wien, Köln, Verlag Styria, S. 1011-1042. (In German)
5. Langewische D. (1980). *Zur Freizeit des Arbeiters. Bildungsbestrebungen und Freizeitgestaltung österreichischer Arbeiter im Kaiserreich und in der Ersten Republik.* Stuttgart, Klett-Gota, 437 S. (In German)
6. Olechowsky R. (1983). Schulpolitik. In: von Weinzierl E. und Skalnik K. (Hsg.) *Österreich 1918–1938. Geschichte der Ersten Republik.* Bd 2. Graz, Wien, Köln, Verlag Styria, S. 589-605. (In German)
7. Kriechbaumer R. (2001). *Die grossen Erzählungen der Politik. Politische Kultur und Parteien in Österreich von der Jahrhundertwende bis 1945.* Wien, Köln, Weimar, Böhlau-Verlag, 819 S. (In German)
8. Czerwińska-Schupp E. (2017). *Otto Bauer (1881–1938). Thinker and Politician.* Leiden, Boston, Brill, 443 p. <https://doi.org/10.1163/9789004325838>
9. Kustatscher E. (2016). „Berufsstand“ oder „Stand“? Ein politischer Schlüsselbegriff im Österreich der Zwischenkriegszeit. Wien, Köln, Weimar, Böhlau-Verlag, 676 S. (In German) https://doi.org/10.26530/oapen_614163
10. Staudinger A. Christlichsoziale Partei. In: von Weinzierl E. und Skalnik K. (Hsg.) *Österreich 1918–1938. Geschichte der Ersten Republik.* Bd. 2. Graz, Wien, Köln, Verlag Styria, S. 249-276. (In German)
11. Vogel B. (2004). *Die „Blauen“ der Zwischenkriegszeit. Die Grossdeutsche Volkspartei in Vorarlberg.* Regensburg, Roderer Verlag, 346 S. (In German)
12. Wladyka M. (2005). *Hitlers Vätersgeneration. Die Ursprünge des Nationalsozialismus in der k.u.k. Monarchie.* Wien, Köln, Weimar, Böhlau-Verlag, 675 S. (In German)

13. Bojankin T. (2023). Das Netzwerk des Mandl-Konzerns. Unterwanderung und Destabilisierung demokratischer Staaten durch einen Rustungskonzern. *Antisemitische und rechte Netzwerke in der Zwischenkriegszeit. Zur Bedeutung informeller Machtstrukturen für die politische Radikalisierung in Österreich*. Wien, Verlag Karl-Renner-Institut, S. 279-285. (In German)
14. Kondert R. (1975). Schober und Heimwehr. Der Niedergang des Austrofaschismus 1929–1930. *Zeitgeschichte*, Heft 3, S. 163-175. (In German)
15. Carsten Francis L. (1978). *Faschismus in Österreich. Von Schönerer zu Hitler*. München, Wilhelm Fink Verlag, 377 S. (In German)
16. Höbelt L. (2020). Italien als Vorbild für Österreich? „Berufsständische Ordnung“ und „Corporativismo“. In: von Di Michele A., Gottsmann A., Monzali L., Ruzicic-Kessler K. (Hrsg.) *Die schwierige Versöhnung. Italien, Österreich und Südtirol im 20. Jahrhundert*. Wien, Köln, Bozen-Bolzano University Press, S. 83-105. (In German) <https://doi.org/10.13124/9788860461735>
17. Höbelt L. (2015). Starhemberg und Schober. In: *Festschrift für Georg Heilingsetzer zum 70. Geburtstag*. Linz, Gesellschaft für Landeskunde und Denkmalpflege Oberösterreich, S. 231-248. (In German)
18. Staudinger A. (1970). Bemühungen Carl Vaugoins um Suprematie der Christlichsozialen Partei in Österreich (1930–33). *Mitteilungen des Österreichischen Staatsarchivs*, vol. 23, pp. 301-334. (In German)
19. (2006). Der 6. Parteitag der Christlichsozialen Partei vom 5. bis 7. Mai 1933 im Festsaal von St. Peter in Salzburg. In: von Kriechbaumer R. (Hg.) „Dieses Österreich retten...“ *Die Protokolle der Parteitage der christlichsozialen Partei in der Ersten Republik*. Wien, Köln, Weimar, Böhlau-Verlag, S. 425-463. (In German)
20. Brandtner M. (2011). *Diskursverweigerung und Gewalt. Dimensionen der Radikalisierung des politischen Klimas in der obersteirischen Industrieregion 1927–1934*. Innsbruck, Wien, Bozen, StudienVerlag, 322 S. (In German) https://doi.org/10.26530/oopen_437193
21. Fraydenegg-Monzello A. (2015). *Volksstaat und Ständeordnung: Die Wirtschaftspolitik der steirischen Heimwehren. 1927–1933*. Wien, Köln, Weimar, Böhlau-Verlag, 256 S. (In German)
22. Sedlak E.M. (2006). Politische Sanktionen im öffentlichen Dienst in der Ära des österreichischen „Ständestaates“. *Zeitgeschichte*, 33. Jahrgang, Heft 1, S. 3-24. (In German)
23. Fraydenegg-Monzello A. (2024). *Landesfürst und Hochverräter: Anton Rintelen. Eine österreichische Karriere*. Wien, Böhlau-Verlag, 408 S. (In German)
24. von Csendes P., Oppl F. (Hrsg.) (2006). *Wien. Geschichte einer Stadt. Bd. 3. Von 1790 bis zum Gegenwart*. Wien, Köln, Weimar, Böhlau-Verlag, 900 S. (In German)

Информация об авторе

Миронов Владимир Валерьевич, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории и философии, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация.

SPIN-код: [2220-0965](#)

РИНЦ AuthorID: [796224](#)

ResearcherID: [ITT-4271-2023](#)

Scopus Author ID: [57200071166](#)

<https://orcid.org/0000-0002-7974-0022>

mironov.vladimir@hotmail.com

Поступила в редакцию 14.08.2025

Одобрена после рецензирования 06.11.2025

Принята к публикации 20.11.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author

Vladimir V. Mironov, Dr. Sci. (History), Associate Professor, Professor of History and Philosophy Department, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation.

SPIN-код: [2220-0965](#)

RSCI AuthorID: [796224](#)

ResearcherID: [ITT-4271-2023](#)

Scopus Author ID: [57200071166](#)

<https://orcid.org/0000-0002-7974-0022>

mironov.vladimir@hotmail.com

Received 14.08.2025

Approved 06.11.2025

Accepted 20.11.2025

The author has read and approved the final manuscript.